

**НИКОЛАЙ II – ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РУССКОЙ АРМИИ:
ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ В КОНТЕКСТЕ ЭЛИТИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ**

Данилов Андрей Геннадьевич доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: agd7@mail.ru

Аннотация

В статье проанализированы последствия принятия императором Николаем II решения летом 1915 г. самому стать Верховным главнокомандующим русской армии. Длительное пребывание царя в Ставке привело к частичной дезорганизации системы управления страной, создало предпосылки для слабого понимания главой государства происходящих в обществе процессов. Как следствие – неадекватные и запоздалые действия императора накануне и в дни Февральской революции, что закономерно привело к крушению монархии.

Ключевые слова: Николай II, Верховный главнокомандующий, Совет министров, императрица Александра Федоровна, Первая мировая война, Февральская революция 1917 г., крах монархии, элита, элитистская парадигма.

Введение

Заканчивается второй «юбилейный» год. В прошедшем 2017 г. исполнилось 100 лет Февральской революции и 100 лет Октябрьской революции. Правда, сегодня часть исследователей высказывает тезис о том, что это были два этапа одной революции. В текущем 2018 г. помимо других столетних юбилеев (созыва и роспуска Учредительного собрания, начала Гражданской войны, комсомола) исполнилось 150 лет со дня рождения императора Николая II и 100 лет со дня трагической гибели императорской семьи. Накануне и в «юбилейные» годы опубликовано большое количество статей, монографий, сборников исторических документов. Состоялись сотни научных конференций. По телевидению показаны десятки документальных фильмов, сотни передач и дискуссий. Соответствующие материалы наполнен интернет.

Несмотря на то, что биография Николая II, процессы, предшествующие Февральской революции, ход событий в Петрограде 23 февраля – 2 марта 1917 г., изучены глубоко, нередко по дням и даже по часам – несмотря на все это, многие сюжеты вызывают острые дискуссии. Один из таких сюжетов – роль императора Николая II в крушении Российской империи. Государь своей политикой привел монархию к краху или под его руководством Россия быстро и поступательно развивалась, модернизируя все сферы жизни общества, а враги (внутренние и внешние) развалили великую державу? Глава государства несет ответственность за происходящее в стране?

Изучение вопроса «Все ли сделали глава государства и элита для предотвращения краха политической системы?» интересно не только в академическом, но и актуально и поучительно в практическом плане. Подобное знание позволяет выявить индикаторы, которые предупреждают современное общество о возможном негативном сценарии развития страны.

Методы исследования

Изучение причин и процесса крушения российской империи в феврале 1917 г., роли в этом процессе императора Николая II реализуется исследователями в рамках различных теорий: марксистской, мальтузианской, модернизационной, институциональной, психосоциальной и др. В последние годы получил широкое распространение элитистский подход (парадигма) в изучении истории. Он предполагает сосредоточение внимания на изучении роли отдельных личностей или их групп накануне и в ходе изучаемых событий. Этот метод мы используем в данной работе.

Результаты исследования

Кризис и распад Российской империи – это не одномоментный акт, а длительный процесс. И такое многогранное явление было следствием не какого-то отдельного фактора (деятельность мифических

немецких шпионов, масонов и т.д.), а следствием совокупности объективных и субъективных, внутриполитических и внешнеполитических причин.

Одной из важных субъективных причин краха самодержавия явились несколько крупных управленческих ошибок императора в годы, предшествующие Февральской революции, и в судьбоносные для монархии дни с 23 февраля по 2 марта 1917 г.: 1) слабое знание ситуации в стране и принятие ошибочных стратегических решений на основе неполной (неверной) информации; 2) отказ от решения задач, стоящих перед страной или откладывание их решение «на потом»; 3) неумение прогнозировать ход событий и неспособность просчитывать отдаленные последствия своих шагов; 4) ошибки в кадровой политике; 5) отказ от диалога с оппозицией; 6) непонимание или недооценка роли настроений в обществе, в том числе степени десакрализации власти; 7) несоответствие форм и методов деятельности власти качественно изменившейся ситуации осенью 1916 г. – феврале 1917 г.

Еще одной крупной управленческой ошибкой Николая II стало его решение, принятое в конце июля – начале августа 1915 г., занять пост Верховного главнокомандующего.

Германия объявила войну России 19 июля (ст. стиль) 1914 г. Накануне, 18 июля состоялось заседание Совета министров, на котором обсуждались принципы и механизмы деятельности правительства в отсутствие императора, который как Верховный главнокомандующий «уходит с армией в поход». В тот день министрам удалось уговорить царя не занимать пост Верховного главнокомандующего. Главный аргумент – стране угрожает немало опасностей вследствие отсутствия главы государства в столице в критическое для России время. Подробности этого заседания позже в своих мемуарах восстановит военный министр В.А. Сухомлинов [1, с. 229-230]. 19 июля 1914 г., в день вступления России в войну, император объявил великому князю Николаю Николаевичу о его назначении Верховным главнокомандующим «впредь до моего приезда в армию».

Спустя год после начала войны Николай II решил сам занять должность Верховного главнокомандующего, а великий князь Николай Николаевич был отправлен заместителем на Кавказ. Решение царя было принято между 23 июля и 4 августа 1915 г. Более точная дата вызывает дискуссии среди историков.

Участники и современники событий, как и последующие отечественные и зарубежные исследователи называют разные причины данного решения императора. 1. Верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич и Ставка утратили (полностью или частично, это – дискуссионный вопрос) способность управлять войсками. 2. В течение первого года войны (август 1914 г. – июль 1915 г.) на части территории страны сложилось двоевластие, что нередко приводило к конфликтам между гражданской администрацией (Совет министров, губернаторы) и военными (Верховный главнокомандующий, командующие фронтами), а главное – к неразберихе, хаосу и невозможности быстро и успешно решать многочисленные вопросы. 3. Императрица считала, что выросший к лету 1915 г. политический вес великого князя Николая Николаевича умалял роль императора. 4. Весной – летом 1915 г. наблюдалась координация усилий руководства армии с либеральной оппозицией при нейтральном или даже благожелательном отношении части высшей бюрократии. Все это, по мнению Александры Федоровны, составляло потенциальную (или реальную?) угрозу власти самого императора. 5. Якобы весной – летом 1915 г. в Ставке готовили дворцовый переворот. 6. Мистические настроения императора, который считал, что в трудную минуту долг государя быть вместе с армией: с ней победить или погибнуть. Что здесь правда, а что надуманное – знает один только Николай II. Мы не будем анализировать достоверность каждой версии, так как это не является целью нашей статьи.

Впервые о решении царя возглавить армию стало известно на заседании правительства 6 августа 1915 г. Информирова министров о положении на фронте, военный министр А.А. Поливанов говорил о том, что «... на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ждать непоправимой катастрофы. Армия уже не отступает, а попросту бежит. Вера в свои силы окончательно подорвана. ... впереди перспективы рисуются самые мрачные» [2, с. 52]. Кажется, уважаемый читатель, хуже уже некуда... Увы, это не так. А.А. Поливанов неожиданно для всех присутствующих заявил: «Как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России... его Величество принял решение ... лично вступить в верховное командование армией» [2, с. 52-53]. В августе 1915 г. почти все министры разделяли мнение военного министра о том, что подобный шаг Николая II приведет к катастрофе. Две недели (7 – 21 августа) все вместе и поодиночке они безуспешно пытались отговорить царя [2, с. 53-98].

Сегодня монархисты бездоказательно утверждают, что именно данное решение Николая II встать во главе армии якобы прекратило отступление русских войск, стабилизировало фронт, через год привело к известному Брусиловскому прорыву (лето 1916 г.), помогло ликвидировать «снарядный голод» и т.д. [3] Дискуссия по вопросу, действительно ли именно решение царя возглавить армию в августе 1915 г. якобы переломило ход борьбы на Восточном фронте, предполагает подробный анализ действий каждой армии и каждого фронта в течение полутора лет, начиная с сентября 1915 г. И в каждом конкретном случае успешных действий русской армии необходимо определять роль

императора: он сыграл ключевую роль в разработке операции? Непосредственно руководил войсками во время боя? Подобрал толкового генерала, который добился успеха, и т.д.? Однако в большинстве случаев кропотливая аналитическая работа подменяется монархистами следующими двумя тезисами: если успех русского оружия имел место после того, как царь возглавил армию, или во время того, как царь был Верховным главнокомандующим, – следовательно, данный успех был благодаря Николаю II. Нам представляется подобная аргументация не убедительной.

Анализ событий и процессов, имевших место в России после того, как 23 августа 1915 г. Николай II занял пост Верховного главнокомандующего, позволяет выявить следующие негативные последствия данного решения в сфере управления.

Первое. В течение 20 лет до начала Первой мировой войны (1894 – 1914) Николай II демонстрировал неспособность решать вопросы, волнующие общество (аграрный, рабочий, национальный, отсутствие парламента, политических прав, свобод и т.д.), нередко откладывал их решение «на потом». Если император и проводил какие-либо преобразования, то делал это не по собственной воле, а под сильным давлением (например, Манифест 17 октября 1905 г. и аграрная реформа П.А. Столыпина).

Неподготовленность России к русско-японской войне 1904 – 1905 гг., за что общество заплатило дорогую цену, также ставит вопрос о способности царя руководить страной

Ход событий с августа 1914 по август 1915 г. вновь выявил неподготовленность России к мировой войне: постоянные поражения русских войск на фронте и неспособность власти, включая главу государства, наладить работу тыла. Как результат, только за первый год войны было убито, ранено и попало в плен свыше 4 млн. солдат и офицеров, оккупирована значительная часть территории страны [4]. Только за месяцы летней кампании 1915 г. было убито и ранено 1 410 000 человек, в плен попало 976 000 человек [5, с. 188]. О неподготовленности России в 1914 г. к войне написано почти во всех воспоминаниях генералов, министров, политиков, современников. Тем, кто сегодня восхваляет Николая II, хорошо бы помнить, что он несет персональную ответственность за миллионы погибших и миллионы исковерканных судеб, за разорение России.

Работа в Ставке, если верить самому императору, требовала от него много времени. В его письме жене от 23 сентября 1916 г. читаем: «О, как Могилев надоел мне! А в то же время у меня очень много дела – едва успеваю наклеивать фотографии в свой альбом» [6, Т. 5, с. 60]. О своей большой занятости император писал жене и в другие периоды, когда он находился в Ставке в Могилеве. Если глава государства не может на несколько дней вырваться в Царское село для общения с близкими людьми, следовательно, действительно на фронте много дел. Но когда же Николаю II руководить страной? Или кто будет руководить страной в отсутствие императора в столице?

Это понимаем не только мы – потомки, которые знают катастрофические последствия данного решения. Это понимали и некоторые современники. 4 августа 1915 г. военный министр А.А. Поливанов, узнав во время разговора с царем о его решении стать во главе армии, среди других возражений государю сформулировал и такой тезис: император «берет на себя задачу, превосходящую силы человека, ибо положение страны требует ныне большого к себе внимания и непрерывного общения с правительством» [7, с. 203].

Таким образом, практически не справляясь со своими обязанностями главы государства, царь в августе 1915 г. решил дополнительно взять на себя еще и функции Верховного главнокомандующего. Значительное увеличение числа сложнейших проблем, требующих личного внимания императора, не могло не привести к снижению качества принимаемых им решений.

Второе. По нашим подсчетам на основе анализа дневниковых записей Николая II [5] и записей в Камер-фурьерских журналах [8, с. 43–438], в которых ежедневно фиксировалось, что делал император в тот или иной день, в период с 23 августа 1915 г. (в этот день он прибыл в Могилев в Ставку и стал Верховным главнокомандующим) по 18 декабря 1916 г. (в этот день царь отбыл из Могилева, вызванный императрицей в Петроград в связи с исчезновением Г. Распутина) примерно 80 % (если быть точным – 78%) времени глава государства отсутствовал в Царском селе и Петрограде. Стоит отметить, что продолжительность отсутствия царя в столице была разной в разное время (от нескольких недель до нескольких месяцев). Например, Николай II 24 апреля 1916 г. покинет Царское село и вернется в свою резиденцию только спустя почти полгода, 19 октября 1916 г.

Важно подчеркнуть, что будущее длительное отсутствие императора в столице не было непредвиденным следствием вступления царя в должность Верховного главнокомандующего (все люди ошибаются и всех будущих последствий принимаемых решений трудно порой предвидеть). Нет, частое и порой длительное отсутствие Николая II в столице в разгар войны – было осознанным решением. В разговоре с военным министром 4 августа 1915 г. на тезис А.А. Поливанова о том, что «положение страны требует ныне большого к себе внимания и непрерывного общения с правительством», император ответил: «министры будут ездить в ставку, и он сам от времени до времени будет приезжать в Царское село» [7, с. 203]. Вот так Николай II смотрел на управление Россией.

Нам представляется, что в условиях длительного, порой месяцами, отсутствия главы государства в столице качество принимаемых управленческих решений не могло не снизиться. Существующая

столетиями система организации власти в России и практика управления страной до августа 1915 г. предусматривала исполнение министрами воли монарха. Во время продолжительного пребывания царя в Ставке министры, не способные за редким исключением проявлять личную инициативу, стали получать меньше указаний от царя в период с августа 1915 г. по декабрь 1916 г.

Нашим оппонентам, считающим, что император мог эффективно и оперативно руководить страной из Ставки с помощью фельдъегерей, мы приведем следующие возражения.

Во-первых, посылка из правительства письменных материалов в Могилев, где находилась Ставка, и получение министрами письменных ответов Николая II объективно занимали значительно большее время (дни), чем проезд министров из Петрограда к царю в Царское село (часы). К тому же поезда нередко задерживались. В письме 27 августа 1915 г. император благодарит жену за 2 «милых письма» и отмечает: «Сколько времени проходит, пока они дойдут! Поезда ходят очень неаккуратно из-за колоссальной работы на линиях» [6, Т. III]. Проходит год. Из письма императора императрице 21 сентября 1916 г.: «Сегодня поезд сильно запоздал, и твое письмо еще не пришло» [6, Т. V, с. 51]. Из письма царя жене 24 сентября 1916 г.: «Опять поезд запоздал, и я еще не получил твоего письма» [6, Т. V, с. 63]. Задержка с получением корреспонденции из столицы, включая материалы министров, происходила в хорошую погоду (август, сентябрь). А если к традиционной загруженности железных дорог добавить зимние заносы путей сообщения ...

В кризисных ситуациях фактор времени порой бывает решающим. Так и произойдет в критические для монархии дни с 23 февраля по 2 марта 1917 г.

Во-вторых, во время личного доклада императору министр мог сразу уточнить позицию царя по вопросу, который его (министра) интересует. Напротив, общение министров с царем при помощи фельдъегерской связи приводило не только к потере времени, но порой бывали случаи, когда чиновники в Петрограде получали от Николая II на своих бумагах неясные резолюции, которые можно было трактовать по-разному. На эту проблему указывал бывший министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии 27 сентября 1917 г.: «Надо было посылать по почте, то есть, вместо того, чтобы выяснить вопрос, либо задерживать (выяснение позиции императора, пока с фельдъегерем не придет ответ императора – А.Д.), либо рисковать получить такую резолюцию, с которой неизвестно, что делать» [9, Т. VII, с. 220].

В-третьих, аналогично и монарх при личном докладе министра мог получить больше информации, чем работая только с бумагами. В записи из дневника царя во время его пребывания в Могилеве за 27 февраля 1917 г. отмечается: «Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия!» [5, с. 295] (о «беспорядках» в Петрограде – А.Д.).

Отсутствие точной и всеобъемлющей информации о положении в столице 23 – 26 февраля 1917 г. привели императора к недооценке масштабов опасности ситуации в Петрограде в эти решающие дни. О степени непонимания царем сути происходящего может служить свидетельство министра Двора В.Б. Фредерикса. Если верить показаниям, данным им во время допроса в Чрезвычайной следственной комиссии 2 июня 1917 г., император якобы сказал ему 27 февраля 1917 г.: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать» [9, Т. V, с. 38]. Речь идет о двух телеграммах Председателя IV Государственной думы, полученных в Ставке вечером 26 и утром 27 февраля 1917 г., в которых М.В. Родзянко информировал царя о безвластии в столице и неспособности правительства подавить восстание.

Слабое знание и поверхностное понимание императором положения в Петрограде неминуемо вели к тому, что меры, принимаемые Николаем II в эти судьбоносные для монархии дни, были не адекватны происходящим событиям, постоянно запаздывали и не могли не привести к краху монархии.

Третье. Частое и порой продолжительное отсутствие царя в столице неизбежно привело к появлению нового «центра притяжения» для чиновников всех рангов. Речь идет об императрице Александре Федоровне. В своем письме к супруге от 23 сентября 1916 г. Николай писал: «...тебе надо бы быть моими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь. На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров – этим ты приносишь огромную пользу мне и нашей стране! О, бесценное Солнышко, я так счастлив, что ты, наконец, нашла себе подходящее дело! Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах» [6, Т. V, с. 60]. Из письма императора Александре Федоровне от 24 сентября 1916 г.: «Ты действительно мне сильно поможешь, если будешь говорить с министрами и следить за ними» [6, Т. V, с. 63].

То, что жена помогает мужу («ты приносишь огромную пользу мне»), понять еще можно. Но, оказывается, по мнению царя, руководство царицей министрами «приносит огромную пользу нашей стране». Сразу возникают вопросы: «Насколько императрица Александра Федоровна была компетентной в управлении страной?» и «Насколько с юридической точки зрения царица имела право координировать («поддерживать согласие и единение») деятельность министров?» Ответы читателю, думаю, очевидны: не компетентна и не имела права.

Помимо всего прочего, эти и другие подобные строки из переписки Николая II и Александры Федоровны, ее дневниковые записи, ежедневные записи Камер-фурьерских журналов императрицы [8, с. 439-530] о ее частых и постоянных встречах с министрами, многочисленные воспоминания самих министров и политиков опровергают утверждения о якобы невмешательстве государыни в управление страной. Частое и некомпетентное вмешательство Александры Федоровны в государственные дела только ускоряло крах монархии.

И еще одно важное наблюдение. Как мало в окружении царя было лиц, на кого он мог положиться. Остается только жена.

Четвертое. Не только анализируемое нами решение императора, но и время, которое он выбрал, чтобы стать во главе армии («Великое отступление»), и форма реализации своего желания (без обсуждения с членами Совета министров) – все это вместе взятое привело, во-первых, к снижению авторитета монарха среди части общества и элиты, во-вторых, к обострению противоречий внутри правительства, когда большинство министров заявили о невозможности своей дальнейшей работы с Председателем Совета министров И.Л. Горемыкиным, в-третьих, впервые почти все министры открыто высказали свое несогласие с действиями царя сначала устно на заседании правительства под его председательством 20 августа, а затем в письме к императору 21 августа 1915 г.

Пятое. Пост Верховного главнокомандующего пусть косвенно приведет Николая II к отъезду из Петрограда 22 февраля 1917 г., что является еще одним крупным просчетом императора. Присутствие царя в столице, более точное знание им характера событий, с нашей точки зрения, повышало шансы на принятие властью более адекватных мер по недопущению революции в Петрограде: хотя бы в последний момент, но вывести из города ненадежные части, более ранний вызов в столицу надежных частей с фронта, использование военных резервов продовольствия для обеспечения жителей столицы до подвоза продовольствия из провинции, отказ от политики «ничего неделания» в пользу компромисса (диалога) с обществом или введения военной диктатуры.

В дороге из Петрограда в Могилев 22 февраля 1917 г., за сутки (!) до начала революции, Николай II записал в своем дневнике: «Читал, скучал и отдыхал...»[5, с. 294]. Насколько надо не понимать происходящее в стране, чтобы всего за неделю до отречения (2 марта 1917 г.) «скучать и отдыхать»...

Выводы

Вступление Николая II в августе 1915 г. в должность Верховного главнокомандующего русской армией и его частое и длительное отсутствие в столице с августа 1915 г. по декабрь 1916 г. привели: 1) к частичной потере им своего авторитета, 2) к сокращению частоты общения главы государства со своими министрами, руководителями центральных органов управления, губернаторами, 3) к частичной дезорганизации системы управления страной, 4) к формированию нового центра управления в лице императрицы Александры Федоровны и ее окружения, 5) создали предпосылки для слабого внимания главой государства происходящих в обществе процессов, и, как следствие – к неадекватным и запоздалым действиям накануне и в дни Февральской революции.

Анализ деятельности Николая II позволяет сформулировать некоторые уроки: 1) концентрация всей полноты власти, включая руководство армией, в руках главы государства – признак неэффективной системы управления, которая неизбежно ведет страну к кризису или слишком дорогой цене за отдельные достижения (кроме Николая II данный тезис подтверждают результаты политики таких руководителей, как Иван Грозный, Петр I, Николай I, И.В. Сталин); 2) слабое знание ситуации в стране закономерно приводит главу государства к ошибочным решениям, за которые расплачивается все общество. Это качество было присуще не только Николаю II, но и большинству руководителей России и других стран в течение многих столетий.

Литература

1. Сухомлинов В.А. Воспоминания Сухомлинова. – М.-Л.: Государственное изд-во, 1926.
2. Яхонтов А.Н. Тяжелые дни: (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 18. С. 5-136.
3. Мультатули П.В. «Господь да благословит решение мое...». Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. М.: Форум, 2007.
4. Доклад Николаю II членов военно-морской комиссии Государственной думы. Август 1915 г. / Монархия перед крушением. 1914 – 1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. С. 270–275.
5. Дневники императора Николая II (1894 – 1918): в 2 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. М. Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. Т. 2. 1905-1918. Ч. 2 1914-1918.
6. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914-1917 гг. Т. III- V. М.-Л.: Государственное изд-во, 1923–1927.
7. Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. / под ред. А.М. Зайончковского. Т. I. М., 1924.
8. Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг. – СПб.: Д.А.Р.К., 2014.

9. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П.Е. Щеголев. Т. I-VII. М.-Л.: Госиздат, 1924-1927.

Danilov Andrey Gennadievich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of theory and history of law and state, South-Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: agd7@mail.ru

**NICHOLAS II, THE SUPREME COMMANDER OF THE RUSSIAN ARMY:
CONSEQUENCES AND LESSONS IN THE CONTEXT OF ELITE PARADYGM**

Abstract

The article analyzes the consequences of Emperor Nicholas II's decision to become the Supreme commander of the Russian army in the summer of 1915. The long stay of the king in the Rate led to partial disorganization of the country's management system, created the preconditions for a weak understanding of the processes taking place in the society by the head of state. This resulted in inadequate and belated actions of the Emperor on the eve and in the days of the February revolution, which naturally led to the collapse of the monarchy.

Keywords: *Nicholas II, empress Aleksandra Fiodorovna, Supreme commander, Council of Ministers, World War I, February Revolution of 1917, collapse of the monarchy, elite, elite paradygm.*

УДК 316.4

DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-4-156-161

**ОТРАЖЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕКТОРА В ДИСКУРСЕ ДОКЛАДОВ
НА XV – XIX СЪЕЗДАХ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ**

Помозова кандидат социологических наук, старший преподаватель,
Наталья Российский государственный гуманитарный университет
Борисовна (125047, Россия, г. Москва, ул. Чаянова, 15). E-mail: promozova@mail.ru

Аннотация

В настоящее время Китай – один из главных игроков на международной арене, от внешней политики которого во многом зависит расстановка политических сил в мире. Для понимания тенденций развития современных обществ необходимо учитывать фактор характерной для них социально-политической рефлексии, одним из инструментов изучения которой является анализ дискурса. Выступление Генеральных секретарей Коммунистической партии Китая (КПК) – важнейшее политическое событие в жизни Китая, за которым следят как внутри страны, так и за рубежом. Цель работы – изучить эволюцию внешнеполитического вектора Китая с 1997 г. по настоящее время посредством анализа дискурса выступлений лидеров страны на XV-XIX съездах КПК.

Ключевые слова: *социально-политическая рефлексия, Китай, Коммунистическая партия Китая, социология политики, внешняя политика, анализ дискурса, внешнеполитическая стратегия, доклады Генеральных секретарей, дипломатия*

Для современных обществ характерна ускоряющаяся и усложняющаяся социокультурная динамика, порождающая «индивидуальную и институциональную рефлексия – постоянное наблюдение людей, социальных групп, институтов, выяснение ценностей, идей и соотнесение их с собственным сознанием с целью возможного изменения своих позиций и поведения»[1, с. 163-172]. Одним из инструментов исследования такой социально-политической рефлексии и её результатов является анализ дискурса, в данном случае – внешнеполитического, высшего руководства Китая, и, прежде всего, таких основополагающих документов, как внешнеполитических разделов докладов Генеральных секретарей ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) на партийных съездах.

Коммунистическая партия Китая – правящая партия в Китайской Народной Республике, ее руководящая роль закреплена в конституции страны. Съезды КПК проходят раз в пять лет и являются важнейшим политическим событием в жизни Китая.

На каждом съезде Генеральный секретарь КПК, Председатель Китайской Народной Республики, выступает с докладом, который содержит в себе подведение итогов проделанной работы и задает политический вектор на следующую пятилетку. Основная доля доклада традиционно приходится на внутреннюю политику. Значительная часть также освещает вопросы урегулирования взаимоотношений с Гонконгом, Макао (одна страна, две системы) и наиболее проблемной для Китая территорией – островом Тайвань. Внешней политике отводится лишь около 5 %.